

О СЛОВАРЕ АРХЕТИПИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Ю.А. Романов (Украина, Харьков)

Статья представляет идею создания словаря архетипических образов Ф.М. Достоевского, отражающую архетипный подход в литературоведении, который бурно развивается в наши дни. Проблематика данного словаря рассматривается на примере анализа архетипического образа "подпольного" героя.

Ключевые слова: архетип, архетипный подход в литературоведении, архетипический образ "подпольного" героя.

Стаття представляє ідею створення словника архетипічних образів Ф.М. Достоевського, що відображає архетипний підхід у літературознавстві, який бурливо розвивається у наш час. Проблематика даного словника розглядається на прикладі аналізу архетипічного образу "підпільного" героя.

Ключові слова: архетип, архетипний підхід у літературознавстві, архетипічний образ "підпільного" героя.

The article gives the idea of "The Dictionary of the Archetypal Characters of F.M. Dostoyevsky" creation, reflecting the archetypal approach in the history and criticism of literature, which is rapidly developed at present. The problems of the dictionary are considered on the example of the archetypal character of "underground" hero analysis.

Keywords: archetype, the archetypal approach in the history and criticism of literature, the archetypal character of "underground" hero.

Словарное освоение творчества Ф.М. Достоевского началось относительно давно. Достаточно назвать "Словарь личных имен у Достоевского" под редакцией А.Л. Бема, составленный участниками семинара по изучению Достоевского при Русском Народном Университете в Праге (Прага, 1933), "Словарь к творениям Достоевского: не должно отчаиваться" митрополита Храповицкого (София, 1921), известный на Западе "A Dostoyevsky Dictionary" Р. Чеппля (Ann Arbor, 1983), конкордансы к романам "Преступление и наказание" и "Идиот" (Саппоро 1994, 2003–2004).

По мнению коллектива авторов-составителей "Словаря языка Достоевского" (главный редактор Ю.Н. Караулов), издаваемого в наши дни, "отечественная авторская лексикография, как и мировая теория и практика создания словарей писателей, накопили богатый опыт лексикографической интерпретации языка выдающихся личностей современности и прошлого", "созданы как полные словари ко всем произведениям авторов или отдельным текстам, так и словари "однопараметровые", отражающие отдельные показатели словоупотребления – частоту встречаемости лексических единиц, тропы, синонимы, фразеологизмы, эпитеты, неологизмы, экспрессемы, имена собственные и перифразы, редкие и устаревшие слова, рифмы в поэтических текстах, конкордансы и т.п." [1:Х].

Учитывая данный опыт и признавая многоплановость языковой личности такого мастера слова, каким был Ф.М. Достоевский, авторы "Словаря языка Достоевского" осуществляют его издание в качестве лексикографической серии, включающей несколько типов словарей – базовый, частотный, топонимов, грамматических слов, фразеологизмов и др. [о степени их готовности – см. там же, с.ХХХIII].

Цель настоящей работы – представить идею создания словаря архетипических образов Ф.М. Достоевского, задачей которого, в отличие от упомянутых словарей, не является описание с максимальной полнотой идиолекта писателя. Идея данного словаря (впервые мы высказали ее более 10-ти лет назад [2]) – на стыке литературоведения и философии – и отражает архетипный подход в литературоведении, бурно развивающийся в наши дни.

Согласно "аналитической психологии" К.Г. Юнга, впервые разработавшего теорию архетипов, они определяются как изначальные, врожденные психические структуры, образы (мотивы), составляющие содержание так называемого "коллективного бессознательного" и лежащие в основе общечеловеческой символики сновидений, мифов и других порождений фантазии, в том числе – художественной (см., например, такие работы К.Г. Юнга, как "Понятие коллективного бессознательного", "Психологические аспекты архетипа матери" и др. [3]). При этом архетипы, по Юнгу, обладают надперсональной природой и имеют, прежде всего, формальный, а не содержательный характер. Архетипы – не сами образы, а только схемы образов, их психологические предпосылки. Содержательную же характеристику первообразы приобретают лишь при

актуализации их в сознании и наполнении материалом сознательного опыта. В частности, для архетипа Матери К.Г. Юнг приводит "невообразимое множество аспектов" (образов): "мать или бабушка конкретного человека, крестная мать или свекровь и теща..., кормилица и нянька..., в высшем, переносном смысле – богиня, особенно мать Бога..., в более широком смысле – церковь, университет, город, страна..., в более узком смысле – место рождения или происхождения – пашня, сады, утес, пещера, дерево" и проч. [там же, с.128, 129]. Юнг же указывал и на возможность архетипного подхода к изучению литературных произведений, понимая под писательским процессом "бессознательное оживление архетипа" и его "перевод на язык современности, благодаря чему каждый становится способным... заново найти подход к глубочайшим источникам жизни, которые иначе были бы потеряны" [4:126, 129].

Следует однако отметить, что несмотря на то, что для архетипного подхода в литературоведении юнговская концепция архетипов по-прежнему остается значимой, в последующий период произошло значительное расширение данного понятия и на современном этапе под архетипами понимают просто "наиболее общие, фундаментальные и общечеловеческие мифологические мотивы уже без обязательной связи с юнгианством как таковым" [5:34].

В настоящее время по поводу архетипов не утихают споры [см. 6; 7]; на наш взгляд, одной из наиболее серьезных проблем является вопрос об их количестве: если у К.Г. Юнга их было не более десятка (архетипы Самости, Тени, Ребенка, Трикстера и др.), то при современной трактовке кажется, что их число безгранично. Очевидно так происходит потому, что понятия архетипа и мифологемы (мифологические мотивы и сюжеты) в современной понимании весьма сближаются [см., например, ряд работ в 8].

Что касается архетипических образов, то, как нам представляется, это понятие тесно связано с понятием об образе в литературоведении: это, прежде всего, художественное изображение человека (существуют так же образы-предметы, образы-явления), но такое, которое позволяет почувствовать связь с коллективным опытом, архетипической памятью поколений. Отличительными чертами архетипических образов являются наличие в каждом из них четко выраженной архетипической модели (в этом их связь с мифологемами) и закреплённость в культурных и, особенно, в сакральных источниках. При этом понятие архетипического образа не является тождественным ни архетипу (как в юнгианском, так и в современной понимании), ни мифологеме.

Идея Словаря архетипических образов Ф.М. Достоевского базируется на убежденности многих исследователей в существовании системы возвращающихся характеров в творчестве писателя и их опыте построения типологий его образов (начиная со второй половины XIX века в творчестве русского классика выделяли следующие типы: "кроткий", "ожесточенный" (Н. Добролюбов); "страстный", "смирный" (Ап. Григорьев); "двойник" (В. Переверзев); "мыслители", "мечтатели", "поруганные девушки", "подпольные" (Л. Гроссман); "мечтатели", "подпольные" (В. Одинокоев); "стихийно нравственные", "стихийно безнравственные" – на стадии патриархальности, "теоретики – раздвоенные натуры", "теоретики-дельцы" – на стадии цивилизации (Г. Щенников); "нигилисты-апокалиптики": "соблазнитель от революции и те, кто революцией соблазнен" (Г. Зябрева) и др. [9–11]).

При этом составители данных типологий все время настойчиво искали единый принцип соотношения героев у Достоевского (в качестве такового определялись: психологический, исторический, социальный, этический и иные принципы), от которого они и отталкивались в своих подходах к характерологии писателя.

Архетипный подход в литературоведении, и к творчеству Ф.М. Достоевского в частности, исходит из того, что в нем нашли свое воплощение наиболее общие, фундаментальные и общечеловеческие мифологические мотивы, и рассматривает образную систему русского классика с этих позиций. С точки зрения архетипного подхода в данной системе существуют герои (точнее, группы героев), в которых с разной степенью полноты, но весьма отчетливо, воплощены архетипические модели личностного бытия. На наш взгляд, нет никаких сомнений в том, что такие архетипические образы, как человек из "подполья", двойник, "маленький" человек, образ шута, богородичный образ, а также некоторые другие (архетипических образов немного) в полной мере эти модели выражают.

Структуру словарной статьи Словаря обозначим на примере архетипического образа человека из "подполья" (феномен "подполья" как архетипическое и типологическое явление рассматривался в наших исследованиях [см. 12]). Ниже приводим ее фрагменты.

После "черного" слова **ЧЕЛОВЕК ИЗ "ПОДПОЛЬЯ" ("ПОДПОЛЬНЫЙ" ГЕРОЙ, "ПОДПОЛЬНЫЙ", "ПАРАДОКСАЛИСТ")** приводится пошаговое толкование архетипической модели "подпольного" бытия. При этом каждый шаг – это звено цепи, ее составляющей.

Архетипическая модель

- **Несправедливость устройства Божьего мира**

"Подпольного" героя отличает трагическое восприятие жизни, обостренное внимание к темным, уродливым ее сторонам, чувство несправедливости Божьего миропорядка. Такое видение мира ставит его "из ряда вон", обида на жизнь делает его ранимым аутсайдером, трагическим одиночкой.

- **Человекобожество**

Противостоит трагедии бытия в сознании "подпольного" героя человекобожеский идеал "прекрасного и высокого", которого он жаждет. С высот "прекрасного и высокого" "непосредственные люди и деятели" кажутся ему презренно малыми, в человеке из "подполья" кипит страстное желание изменить их жизнь сообразно своей воле ("Наполеон", "деспот в душе").

- **Самоказнь-наслаждение**

При соприкосновении с действительностью (с "живой жизнью") он болезненно осознает собственное несоответствие идеалу и жестоко казнит себя за это, доходит до самоуничтожения. Собственная душа кажется ему даже хуже, гаже, подлее, чем презируемая им душонка "непосредственного человека и деятеля". При этом его самоказнь носит эстетический характер: придавая собственному унижению поэтическую форму, "подпольный" герой вкушает "сок... странного наслаждения", "наслаждения от... сознания своего унижения" ("*Записки из подполья*").

- **Масочность**

Храня страшную тайну о своем несоответствии идеалу, "подпольный" герой смертельно боится того, как бы о его "подлости" не узнали другие. В межличностном общении он постоянно принужден к ношению масок – без маски его появление в свете невыносимо.

- **"Подпольный" покой**

Постоянное ношение масок, постоянное насилие, совершаемое над собой при обращении к "живой жизни", вызывает у "подпольного" героя духовную усталость, злобу на окружающий мир, более сильное неприятие, даже проклятие его и порождает стремление уйти, обрести покой. Этот покой, крайнее обособление – и есть "подполье".

Далее перечисляются герои Ф.М. Достоевского, отражающие слагаемые "подпольного" мотива (наиболее полно архетипическая модель "подпольного" существования отражена, безусловно, в "подпольном" герое "*Записок из подполья*", однако "подпольные" черты несут и такие герои, как Раскольников, Свидригайлов, Ипполит Терентьев, Ставрогин, Кириллов, Версиков, Аркадий Долгорукий, Федор Павлович, Иван Карамазов и ряд других), приводятся контексты, подтверждающие их выраженность.

Как показывают исследования, "подпольный" мотив с разной степенью полноты отражен не только в характерологии Достоевского, но и в творчестве мировых классиков, герои которых несут на себе печать "подпольного" образа. В словарной статье мы также обозначаем "подпольных" героев мировой литературы.

"Подпольные" герои мировой классики

"Перед нами проходит длинная череда "героев нашего времени" – подпольных парадоксалистов: маркиз Дезэссент Гюйсманса, Салавен Дюамеля, Гарин, Перкен, Чен и Ферраль Мальро, Кламанс и Тарру Камю, Джо Кристмас Фолкнера, Сомерс Лоуренса, Оливейра Кортасара, Боб Слокум Хеллера, герои "То, чего не было" Б. Савинкова, "Санина" М. Арцыбашева, "Имморалиста" А. Жида, "Контрапункта" О. Хаксли, "Голого завтрака" Э.Р. Берроуза, "Степного Волка" Г. Гессе, "Невидимого человека" Р. Эллисона, "Подземных" Д. Керуака, "Из замка в замок" Л. Селина, подпольные люди многих произведений Л. Андреева, А. Белого, А. Ремизова, Л. Каменского, В. Винниченко" [13:370].

Как уже отмечалось, одним из наиболее существенных признаков архетипического образа является его закреплённость (помимо мировой литературы) в фольклорных и сакральных источниках, на что также указывается в словарной статье.

САКРАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Человекобожие "подпольного" героя – не что иное, как "притязание гордыни сатанинской" [14:68]; "подполье" коррелирует с библейским образом Ада – подземного царства, в котором правит Сатана [15].

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

В русских сказках говорится о том, что "в подполье сидят остроголовые черти" (словарь В.И. Даля, статья "Подполье" [16:197]).

И, наконец, существенную роль при воплощении архетипического образа "подпольного" героя играют **ПОЭТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА** ("дурной бесконечности диалоги", "слово с оглядкой", "сло-

во с лазейкой" [17], "словесные турниры" [18] и др.). Они приводятся с контекстуальным подкреплением.

Выводы

Идея Словаря архетипических образов Ф.М. Достоевского – на стыке литературоведения и философии – и отражает архетипный подход в литературоведении. Данный словарь не ставит перед собой задачу (в отличие от издаваемой в наши дни серии словарей языка Достоевского) полного описания идиолекта писателя.

Целью словаря является представление наиболее общих, фундаментальных общечеловеческих мифологических мотивов, отраженных в образах Достоевского, архетипических по своей природе.

Для воплощения цели лексикографического исследования в словарной статье приводится толкование мотива, являющегося стержнем архетипического образа, и рассматривается вся писательская характеристика причастности к выраженности данного мотива. Далее перечисляются герои из мировой классики, в которых прослеживается влияние данного архетипического образа, его сакральные и фольклорные источники, закреплённость в которых является одним из важнейших архетипических признаков. И, наконец, рассматриваются наиболее характерные поэтические приемы, используемые при воплощении архетипической модели.

Следует отметить, что проблема архетипических образов Ф.М. Достоевского (как, вероятно, и других классиков) еще мало исследована. Практически отсутствует опыт и ее лексикографического освоения. Этим, безусловно, и определяются **перспективы исследования** в данном направлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Караулов Ю.Н., Гинзбург Е.Л. Язык и мысль Достоевского в словарном отображении // Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. Главный редактор чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулов. – М., 2001. – С. IX–LXIII.
2. Романов Ю.А. Конструктивная основа словаря образов Ф.М. Достоевского // Вестник Харьковского политехнического университета: Сборник научных трудов. – 1994. – Вып. 1. – № 19. – С. 101-108.
3. Юнг К.Г. Бог и бессознательное. – М., 1998. – 480 с.
4. Юнг К.Г. Об отношении аналитической психологии к произведениям художественной литературы // Классический психоанализ и художественная литература / Сост. и общ. ред. В.М. Лейбина. – СПб., 2002. – С. 106-130.
5. Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. – М., 1994. – 136 с.
6. Майкова А.Н. Архетипы и архетипические образы (на примере сказки о Царевне-лягушке и мифе о Гильгамеше) // Филологические науки. – М. – 1999. – №4. – С. 20-29.
7. Абрамович С.Д. К вопросу о литературном воплощении архетипов русской ментальности // Информационный вестник Форума русистов Украины. – Симферополь, 2002. – Вып. 2. – С. 23-39.
8. Вісник Харківського університету № 448. Серія Філологія. Міф і міфопоетика у традиційних та сучасних формах культурно мовної свідомості. – Харків, 1999. – С. 84-87, 87-90, 128-131, 163-165.
9. Одинокое В.Г. Типология образов в художественной системе Ф.М. Достоевского. – Новосибирск, 1981. – 145 с.
10. Щенников Г.К. Художественное мышление Ф.М. Достоевского. – Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1978. – 176 с.
11. Зябрева Г.А. Русский характер и русская революция. Логика взаимодействия // Русистика Украины. – 2001. – №2. – С.43-57.
12. Романов Ю.А. Феномен "подполья" в поэтике Ф.М. Достоевского: архетипическое и типологическое: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: специальность 10.01.02 – російська література / Таврійський національний університет ім В.І. Вернадського. – Симферополь, 2003. – 20 с.
13. Гарин И.И. Многоликий Достоевский. – М., 1997. – 396 с.
14. Лосский Н. О природе сатанинской // Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы / Под ред. А.С. Долинина. – Пб., 1922. – С.67-92.
15. Мифология. Иллюстрированный энциклопедический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. – СПб., 1996. – С. 23.
16. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – Т.3. – М., 1995. – 560 с.
17. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1994. – 174 с.
18. Лобов Л. Из наблюдений над словесными приемами Достоевского. – Пермь, 1927. – С. 3.